

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Надежда Васильева
**Про Дуньку,
которую знали все**

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Надежда Васильева

Про Дуньку, которую знали все

Издательство «Детская литература»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Васильева Н. Б.

Про Дуньку, которую знали все / Н. Б. Васильева — Издательство «Детская литература», 2019 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-006101-1

Казалось, что ничто не может заставить образумиться дерзкую неуправляемую 10-летнюю Дуньку Цыганову. Ей скучно среди ровесников, а вот компания старшекласников – в самый раз. Всё, что связано с риском, опасностью, безрассудством, – её стихия. Неглупая и незлая в душе, она нередко жалеет о своих хулиганских выходках, но каждый раз словно бес какой-то её под локоть толкает: не может она удержаться, чтобы не выкинуть очередной фокус. Но время идёт, и кажущаяся неисправимой Дунька меняется. Чья здесь заслуга? Как из своевольной, отчаянной, бесшабашной девчонки, которая терроризирует всю школу, вырастает ответственная, бесстрашная, самостоятельная личность? Об этом – повесть Н. Васильевой. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006101-1

© Васильева Н. Б., 2019
© Издательство «Детская
литература», 2019

Содержание

О конкурсе	5
Про Дуньку, которую знали все	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Надежда Борисовна Васильева

Про Дуньку, которую знали все

Повесть

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2019 года в серии уже издано более 45 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

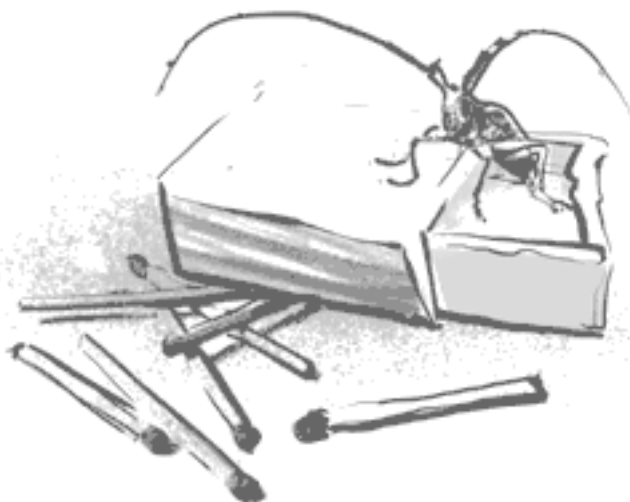
Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Про Дуньку, которую знали все **Повесть**

Да, Дунька Цыганова была в школе личностью знаменитой, её знали буквально все: малыши, старшекласники, учителя, технички, вахтёр и даже строгая директриса, Светлана Павловна, на «ковёр» к которой её, Дуньку, таскали уже несчётное количество раз.

Светлана Павловна была, наверное, такого же возраста, как Дунькина соседка по лестничной площадке баба Зоя. И у той, и у другой на подбородке росли волосы. Немного, не так, как у коз, но всё равно смешно. И всякий раз, когда Светлана Павловна отчитывала Дуньку, Дунька, не отрываясь, смотрела на эту козью бородку, и в глазах её играли смешинки.

Светлана Павловна выходила из себя и кричала: мол, от тебя, Цыганова, все слова отлетают, как от стенки горох! И с этим Дунька не спорила. Ей было, как говорила мама, «на всех и на всё наплевать». Она ко всем демонстративно обращалась на «ты», за словом в карман не лезла и на любой, даже самый каверзный вопрос находила дерзкий ответ. С её острого язычка иногда срывалось такое, от чего у учителей волосы на голове шевелились.

Она могла пререкаться с учительницей четвёртого «Б» класса, Еленой Сергеевной, целых пол-урока. Если та, не выдержав, требовала, чтобы Цыганова немедленно вышла из класса, Дунька забивалась в угол, и никакая сила не могла её оттуда выдворить. Она не позволяла никому даже пальцем себя тронуть. Когда Елена Сергеевна хватала её за рукав школьного платья, чтобы всё-таки выставить в коридор, Дунька поднимала такой пронзительный визг, что в кабинет испуганно заглядывали учителя из соседних классов. Но, увидев Дуньку, понимающе поджимали губы, что означало: «Мы-то думали, что тут случилось? А это опять Дунька спектакли устраивает!» – и грозили ей пальцем: «Вот отправят тебя, Цыганова, в дурдом, будешь тогда знать, почём фунт лиха!»

«Дуркой» Дуньке грозили не раз, но она хорошо знала, что никто и никогда её туда отправить не сможет, потому что школьный психолог, Нинель Аркадьевна, считала, что с головой у Дуньки всё в порядке. Да-да! Дунька сама лично это слышала, как та директрисе говорила: «Голова у Цыгановой светлая! Память феноменальная, ум – острый и быстрый, способности – на редкость». И даже назвала её «ходячей энциклопедией». С тех пор Дунька её зауважала.

Нинель Аркадьевна, в отличие от других учителей, никогда и никуда не торопилась, ходила по школе плавно, словно опасалась расплескать свою неземную красоту. Оставаясь одна дома, Дунька иногда перед зеркальной дверкой платяного шкафа копировала её походку. Но долго ходить с гордо поднятой головой, как это делала Нинель Аркадьевна, у неё не получалось. Уставшая шея не выдерживала, и голова снова втягивалась в плечи. Ещё бы! У Нинель Аркадьевны шея лебединая и, пожалуй, раза в три подлиннее Дунькиной. Дунька смирялась: ну что ж, вот вырастет шея – тогда и займусь походкой. А сейчас-то зачем? Кто оценит?

С мнением Нинель Аркадьевны по поводу своей персоны была полностью согласна. А что?! Все диктанты и контрольные она, Дунька, писала на пятёрки. Придраться было не к чему. Елена Сергеевна только руками разводила: «Как ты, Цыганова, умудряешься с контрольными справляться? Ведь слушаешь урок вполуха!»

А ещё Дунька отличалась от своих одноклассников тем, что никого и ничего не боялась. Ей смешно было наблюдать за тем, как реагировал класс, когда учительница вдруг повышала голос. У одних тут же вжималась в плечи голова, у других, наоборот, неестественно выпрямлялась спина, у третьих испуганно вытягивались лица. И буквально все сразу примерно складывали на парте руки. А Дунька, посмеиваясь, только резво крутила головой.

Она всегда вела себя так, как считала нужным. По словам всё той же бабы Зои, в зависимости от того, «какая шлея под хвост попадёт». Её даже к психиатру мать водила. Причём самым хитрым образом. Дуньку тогда мучил сильный кашель, прямо душил по ночам. В горле свербило и щекотало так, что спать не могла. И если бы не этот противный кашель, в поликлинику мать бы её не затащила.

Толстый коротышка, с рыжими усами и веснушками на крупном носу, очень похожий на отъевшегося кота Базилио, в белоснежном, как на сказочном Айболите, халате, долго разглядывал её с нескрываемым любопытством. Потом наконец насмешливо спросил:

– На голову не жалуешься?

– Не-а! – мотнула головой Дунька. – Что мне на неё жаловаться? Голова как голова, и даже получше, чем у многих.

– А ведёшь себя почему так бесцеремонно?

– А тебе что? Сам за своей головой следи.

Тот хмыкнул и потёр рукой свой двойной, очень похожий на свинячий, подбородок.

– Я – врач. И могу положить тебя в больницу. Не в простую... а в психдиспансер. Вот вызову сейчас санитаров, и они наденут на тебя смирительную рубашку. Будешь знать тогда!..

– А что я сделала?! – вытаращила на него глаза Дунька.

– И вообще, – продолжал коротышка, – я намного старше тебя, пожалуй, уж в прадедушки гожусь. Так что потрудись обращаться ко мне уважительно – на «вы».

Но Дунька пропустила это мимо ушей.

– Если ты такой старый, почему работаешь? Давно на пенсию пора. И при чём здесь санитары? Я ж не буйная...

– Язык у тебя больно длинный! И правилам школьным не подчиняешься!

Он хотел было и дальше поучать её, но Дунька оборвала:

– Школа не армия! Это в армии солдаты генералам подчиняются. К тому же я девчонка.

– Тем более! – сразу прицепился к слову доктор. – А ведёшь себя хуже хулиганистого мальчишки!

– О-ой! Началось! – артистично закатила она глаза. – Придумал бы что-нибудь новенькое! Это мы уже проходили!

Но, видно, ничего новенького этот Айболит придумать не мог, чвакал губами и буравил её своим насмешливым взглядом. Дунька отвернулась к окну, всем видом своим демонстрируя, что потеряла всякий интерес к этому никчёмному разговору. А тот вдруг свёл лохматые брови.

– Слушай сюда! – пикой нацелив на неё свой толстый указательный палец, сквозь зубы процедил он. – Ещё раз тебя ко мне приведут – упрячу в больницу, в одиночную палату. Твоя попа взвоят от уколов. Будешь спать целыми днями, чтобы нормальным людям жизнь не отравлять. Поняла?! – Да ещё приблизил свои рыбы немигающие глаза к самому Дунькиному лицу.

Дунька брезгливо отпрянула.

– Фу! Страшный-то какой! Давно на себя в зеркало смотрел?!

Рыбьи глаза психиатра мгновенно сузились, а потом и вовсе закрылись. Лысая голова бессильно склонилась набок, как это делает со своим гребнем петух. И Дунька тотчас высмотрела, что веки у мужика были почти без ресниц. Опалил он их, что ли? Или от старости сами выпали? А вот из уха, наоборот, волосы торчат, кисточкой. Чудеса, да и только!

Тут врач снова ожил, двумя руками крепко обхватил Дунькину голову, да так проворно, что она не успела отскочить в сторону, и угрожающе выдохнул:

– Хватит выпендриваться! Уймись! А не то миллион проблем наживёшь! Поняла?!

– Ничего не слышу!! – во всё горло завизжала Дунька. – Ты ж своими лапищами мне уши-то закрыл!

Тот, убрав руки, хохотнул, щёлкнув её по носу:

– Что надо – услышишь. И знай: не таких усмиряли!

При этом хотел ещё потрепать Дуньку за ухо, но она, угадав его коварные намерения, опередила Айболита, машинально выставив локти вперёд. Локти упёрлись в его тугое брюхо. И тут Дуньку, как всегда, понесло. Прижавшись ухом к его большому животу, похлопала по нему рукой, приговаривая:

И бежит Айболит к бегемотикам,
И хлопает их по животикам... —

А когда доктор, опомнившись, оттолкнул её от себя, Дунька тут же смерила его ехидным взглядом: – Что брюхо-то отрастил?! Как беременный! Жрать надо меньше!

– Ну ты и хамка! Совсем зарвалась!

Его глаза налились кровью и сразу из рыбьих превратились в свинячьи – острые, пронзительные. Дунька продолжала защищаться, пустив в ход четверостишие:

Я такое обращенье
Ненавижу! Не терплю!
Потому от возмущенья
Издаюсь и хамлю!

Но Айболит не расплылся в предательской улыбке, как это делали другие взрослые, а, насупившись, двинулся на неё. И тут Дунька вспомнила, чему учили её главари школьной тусовки Дятел и Шмыга: «Лучшая защита – это нападение!» Тотчас сделала страшные глаза и перешла на крик:

– А ты что со мной так разговариваешь?! В зоне сидел? Блатного жаргона нахватался!

Доктор остановился, расслабленно опустил плечи и, отвернувшись лицом к портрету какого-то именитого профессора, который со стены равнодушно наблюдал за их поединком, явно не для Дунькиных восприимчивых ушей растерянно пробормотал, словно жалуясь медицинскому светиле:

– Вот пигалица! Разнуздалась донельзя! Выпороть бы её, да некому! И мне некогда! – И, снова повернувшись к ней, устало махнул рукой: – Иди уже! И смотри, больше ко мне не попадай! Помни: со мной шутки плохи!

– А кашель?! – от возмущения зашлась в кашле Дунька. – Кашель-то чем вылечить? Для чего я сюда притащилась?!

– Это не ко мне, – сказал как отрезал Айболит. И нажал какую-то кнопку: – Следующий! Дунька не удержалась, нагрубилась:

– Подумаешь! Нашёлся тут мне!..

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан! —

и, выскочив в коридор, пулей промчалась мимо матери.

Смотреть на неё не могла: «Обманщица! Сказала ведь, что кашель лечить...»

Уже вечером, дома, на вопросы матери, что сказал доктор, с ходу выдала:

– Дурак твой доктор! Его самого в «дурку» упечь нужно. По-человечески разговаривать не умеет. Возомнил о себе.

Всё же целую неделю школа от Дунькиных проделок отдыхала. И только её трубный кашель нарушал тишину в классе. Натужный и беспокойный, он всё никак не проходил. Мать по совету соседки бабы Зои всё-таки решила оставить Дуньку дома да ещё вызвала участкового врача. Дунька не возражала. Болеть она вообще-то любила. При врачахе нарочно старалась кашлять как можно громче и продолжительнее. И это получалось у неё очень естественно.

Врачиха, молоденькая и красивая, как Снегурочка, только тревожно головой качала, долго прослушивая её грудь и спину фонендоскопом. (Дунька знала, как эта штука называется.) Потом что-то строчила в карточке и выписывала кучу рецептов, объясняя бабе Зое, что и как принимать. Но её назначения по сравнению с бабы-Зоиной методой лечения простуды были «фигнёй на постном масле».

– Все их таблетки для тебя что мёртвому припарки! Погоди-ка, вот увидишь: я быстро твой кашель уйму! – уверенно заявила она.

И начались настоящие пытки. Баба Зоя то ставила Дуньке банки, которые впивались в кожу хуже пиявок, после чего спину разукрашивали синяки; то накладывала на грудь компресс из натёртой чёрной редьки, запах которой до слёз резал глаза; то шлёпала ядрёные горчичники и натягивала на ноги носки из собачьей шерсти. Да ещё заставляла пить горячее молоко с содой и мёдом, по поверхности которого плавала – тьфу! – плёнка из противного свиного сала.

Но спорить с бабой Зоей было бесполезно. Она не мама. От неё фиг когда отбрыкаешься. Так взглянет и таким железным голосом прикажет – без всяких капризов выполнишь, что велит.

В бабе Зое Дуньке нравилось всё: и грудной сипловатый голос, который шёл откуда-то из глубины её пышного тела, и улыбчивые добрые глаза, и ласковые пухлые руки, и даже заколотые в пучок седые волосы на затылке. Дунька любила приклеивать людям ярлычки, согласно их недостаткам. А вот к бабе Зое ни один ярлычок не подходил. При всём желании прицепиться было не к чему.

А когда баба Зоя уходила, Дунька с головой окуналась в чтение книг. Книги она любила. Смешные сказки в стихах заучивала наизусть и цитировала отрывки при каждом подходящем случае, вызывая восторги сверстников и изумлённые улыбки взрослых.

Перед тем как задать вопрос библиотекарше, умилённо заглядывала ей в глаза:

Свет мой, солнышко, скажи
Да всю правду доложи!

Ну кто после такого любезного обращения отмахнётся и даст от ворот поворот?

Или, например, в медицинском кабинете, когда у всех в школе проверяли зрение и слух, Дунька удивила врачей своими литературными познаниями, продекламировав громко и с чувством:

Всё, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

А во время школьных прививок, заметив прижавшуюся от страха к стенке Лидку Пчёлину, ехидно пропела ей в самое ухо:

Почему я встал у стенки?
У меня... дрожат... колени...

Иногда стихи эти переделывала на свой лад, как того требовала обстановка. Если в коридоре на перемене появлялся дежурный учитель и проказников как ветром сдувало, Дунька, держась за живот и тыча им вслед пальцами, громко, на весь коридор, хохотала:

Как жучки-червячки испугались!
По углам, по щелям разбежались!

Знала, чем согнать строгость с лица дежурившего взрослого. Наблюдая за дракой мальчишек в коридоре, поддразнивала того, кто распускал нюни:

И вывихнуто плечико
У бедного кузнечика;
Не прыгает, не скачет он,
А горько-горько плачет он
И мамочку зовёт!..

Что говорить, слабаков не любила. Саму её до слёз довести никому не удавалось. Мужественно переносила всякую боль. И даже эти вот бабы-Зоины издевательства в лечебных целях...

Долго засиживаться дома в этот раз в Дунькины планы не входило. Нужно было готовиться к лыжным соревнованиям. В лыжных гонках Дунька всегда занимала призовые места, после чего ходила по школе королевой.

– Баб Зой! – канючила она. – Ты меня давай лечи быстрее! У меня соревнования через неделю!

– Какие ещё соревнования? – недовольно вопрошала баба Зоя.

– «Какие», «какие»! – передразнивала Дунька. – Лыжные. Я опять должна первое место занять! Быстрее меня никто на лыжах не ходит!

– Ох уж эти мне соревнования да конкурсы! С детства прививают школьникам зазнайство да манию величия. Каждому хочется лучше всех стать! Отсюда потом и гордыня, и зависть, и соперничество.

Дунька задумалась: баба Зоя права вообще-то. Ритка Стрельцова из пятого «А», когда Дунька её догнала и стала дышать в спину, долго ей лыжню не уступала. И в школе потом такие уничтожающие взгляды на неё бросала! Прямо возненавидела! Спрашивается, что ей такого Дунька Цыганова сделала? Разве она виновата, что быстрее всех на лыжах ходит? А перед следующими соревнованиями задники Дунькиных лыж оказались чем-то намазанными: не скользили – и всё! Об этом явном вредительстве Риткина подруга потом кому-то проболталась. Слушок дошёл и до Дуньки. Ей так хотелось за это Стрельцовой как следует наkostenить – руки чесались, да ещё девятиклассники Дятел со Шмыгой подзуживали.

Но баба Зоя отговорила. Сказала тогда: «Не пачкай руки. Бог её за это без тебя накажет!» Дунька бы ей, конечно, не поверила, да Ритка ногу сломала. Дунька ликовала: поделом ей! Но и тут её баба Зоя остудила: «Не злорадствуй! А то и тебе от Бога достанется!»

Пребывая в одиночестве под благодатным домашним арестом, Дунька зря времени не теряла. Напичканный книжными премудростями ум её прямо-таки закипал от всяких аван-

тюрных идей. И дома уже было сидеть не вмоготу. Она, словно желавший свободы пёс на цепи, рвалась в школу. Мать, не выдержав её термоядерной энергии, не стала дожидаться разрешения врача и, как говорится, махнула рукой:

– Да катись ты куда хочешь! Только отстань от меня, пожалуйста!

И Дунька «покатилась»! Её бесшабашная лихая жизнь снова влилась в прежнее русло. Дуньку так и подмывало что-нибудь натворить.

Заглянув в компьютерный класс, увидела математичку, сидевшую за принтером. Та распечатывала какие-то бумаги.

Математичку эту, с бородавкой на лбу, Дунька терпеть не могла. Та ходила по школе как гусыня. Поравнявшись с Дунькой, шипела: «Цыганова! Что носишься, как сумасшедшая?! Это школа, а не стадион!» Дунька огрызалась: «Что, цифры голову вскружили? Ни за что ни про что на людей кидаешься!» Но учительница не реагировала, наверное, не слышала, ведь они, учителя, на переменах от ребячьего крика глохнут.

Вот и сейчас математичка сверкнула очками в её сторону:

– Чего надо?!

– Шоколада! – тут же скороговоркой процитировала любимые строчки Дунька. – Килограмм пять или шесть, больше мне не съесть! – И потянулась за чистым листом бумаги, что лежал на столе перед самым носом учительницы. – Дай-ка один листок. У тебя вон их сколько! А мне рисовать не на чем.

И на глазах остолбеневшей математички выхватила из пачки не один, а несколько, после чего проворно выскочила из кабинета, передразнив на прощание её округлившийся бубликом рот.

Та, конечно, просто так этого дела не оставила. Не успел прозвенеть звонок с последнего урока, как она загородила дверной проём своим толстым бесформенным телом, выпуская по одному из класса всех, кроме Дуньки. Дунька села за свою парту и с полным безразличием на лице стала ждать, что будет дальше. Выпроводив из класса всех ребят, математичка захлопнула дверь и вперилась в Дуньку «бармалеевским» взглядом:

– Немедленно дай мне дневник! – жёстким, скрипучим голосом произнесла она.

Дунька порылась в ранце, достала дневник и швырнула его к ногам не ожидавшей такого пассажа математички.

– Ты что творишь?! – завопила та. – Тебя, действительно, давно на цепь посадить нужно!

– Сама ж дневник просила! – спокойно изрекла Дунька. – Если хочешь, возьми его хоть на всю ночь. Там ещё есть место для одного сочинения. Только много не пиши, ведь я всё равно читать не буду. А матери – всё пофиг. У неё любовный роман. В своих делах не может разобраться. Плевать ей на твои опусы!

– Ах ты, безотцовщина проклятая! – прошипела математичка. – По тебе психушка плачет!

– По тебе тоже! – отпарировала Дунька.

Бедный дневник, шелестя страницами, полетел в Дунькину сторону. И плюхнулся, раскоряченный, на её парту.

– Какая меткость! – ёрничая, прокомментировала Дунька, старательно разглаживая измятые страницы. – Ты, наверное, раньше занималась метанием ядра...

– Нахалка ты этакая! – сиреной взревела математичка. – До ночи будешь здесь сидеть!

Пока мать не хватится! – И, закрыв на ключ Дуньку в кабинете, вышла в коридор.

Передразнив гусиную походку математички, Дунька стала озадаченно чесать в затылке. Думай, голова, думай! Сидеть до вечера в пустом кабинете – такое было не по Дуньке. Она шагнула к окну и попробовала открыть створку первой внутренней рамы. Рама не поддавалась, скрипела, но открываться не хотела. Дунька долго пыталась, пока наконец на пол не посыпалась

труха: крошки от бумажных полос, которыми на зиму заклеивают окна, и облупившаяся с подоконника сухая краска.

И всё-таки створка подалась, медленно двигая глиняный горшок с каким-то заморённым цветком. В голове тотчас созрела идея – выкинуть горшок из окна, чтобы создать как можно больше шума. Между рамами скопилось целое кладбище засохших мух и коричневая бабочка. Мух Дунька брезгливо смахнула на пол. А вот бабочку разглядывала долго. Красивая! Но не оживёт. Сухая.

Дунька ловко вскочила на подоконник и, с усилием повернув вверху тугие защёлки, открыла вторую раму. С улицы потянуло весенним холодом. Порывистый ветер ударил в стёкла огромных школьных окон. Под кустами шиповника земля уже оттаяла, но прыгать в грязь да ещё ободраться о колючие шипы – радости мало. Да и на асфальтовую дорожку, о которую гулко разбивались тяжёлые капли свисающих с крыши огромных сосуллек, прыгать тоже не хотелось: слишком опасно. Не хватало ещё ногу сломать да потом сидеть дома целый месяц, таская за собой по комнате гипсовый валенок, как это было с Юркой Федотовым. Сама Дунька этого не видела, но ребята рассказывали. Они носили Юрке задания на неделю.

К тому же скоро каникулы. Сидеть у окна, уткнувшись носом в запотелое стекло, и изводиться завистью, наблюдая за тем, с каким азартом дворовые ребята выстраивают ледяные запруды на пути весёлых ручейков, было бы выше её сил.

Вновь посмотрела на цветочный горшок. Пнула его ногой. Звон разбившейся об асфальт керамики тотчас привлёк немало зрителей.

– Смотрите! Смотрите! Дунька Цыганова! – со всех сторон раздались восторженные вопли.

– Дура! Что ты делаешь?!

– Расквасишь себе нос!

– Молодец, Цыганиха, прыгай!

– Может, к тебе «пожарку» подогнать?!

– Подожди! Мы тебя в простыню поймаем!

А в дверь уже ломилась математичка. От страха, наверное, забыла, ворона, что ключ у самой же в кармане. Ну наконец-то, сообразила!.. В замочной скважине противно заскрежетало.

– Выходи, Цыганова! – не сказала, а со стоном выдохнула математичка и, схватившись за сердце, закрыла глаза, прислонившись тучной спиной к косяку дверного проёма. Артистка ещё та!

На такие спектакли и сама Дунька была мастак. Однажды мать ударила её ладошкой по голове. А она бряк на пол! Расслабила все мышцы: не тело, а велюровый валик. Мать принялась истошно выть. Сбежались соседи снизу, стали ей, Дуньке, пальцами веки поднимать. Такое издевательство над «покойником» она стерпеть не смогла. Вскочила и, высунув язык лопатой, закрылась в ванной. Соседи смеялись и стыдили её. Чтобы не слышать их голосов, вывернула на всю катушку два крана с водой. Шум воды успокоил. Соседи разошлись. А мать ещё долго упрашивала её выйти из ванной. «Уберись в кухню, тогда выйду!» – поставила ей условие Дунька. И, благополучно пробравшись в свою комнату, как всегда, подпёрла дверь стулом. Стул спинкой упирался в книжный шкаф и в таком положении надёжно защищал Дунькину комнату от постороннего присутствия. Мать много раз грозилась убрать книжный шкаф в прихожую, но «всё руки не доходили»...

Наконец математичка открыла глаза – отрешённые и беспомощные. Дунька не спеша собрала рюкзак, закинула его на спину и спокойно пошла к двери. В дверях остановилась, гордо вскинула подбородок, внимательно поглядев на дрожащее лицо учительницы, победно подмигнула ей и заскакала на одной ноге по коридору, приговаривая:

А акула Каракула
Правым глазом подмигнула
И хохочет, и хохочет,
Будто кто её щекочет.

Сначала неслась по улице, блаженно упиваясь своей победой. А потом вдруг яркие краски дня поблекли, превратились в серые, будто на солнышко тучка набежала. Подняла взгляд к небу: солнце по-прежнему сияло. Отчего же настроение так резко изменилось? В каждой встречной толстой тётке чудилась математичка. И Дунька пристально вглядывалась в эти полные женские лица. В их глазах застывал вопрос: «Что тебе, девочка, от меня надо?» Но вслух ничего не произносили, просто, проходя мимо, оглядывались по несколько раз.

А в Дунькиной голове зазвучали сразу два голоса. Один грубый и не терпящий возражений: «Что скисла?! Математичку жаль стало? Да она ведь тебя „безотцовщиной“ да ещё „проклятой“ назвала!»

А другой, тихий и робкий, оправдывался: «Может, ей и правда плохо стало? Вон как губы и веки тряслись! Вдруг её из-за меня из школы выгонят?»

Но первый голос не сдавался: «Ха! Поделом ей! Тоже мне, учинила разборку! Нашла, с кем связываться, дура!»

А другой, стыдясь собственной жалости, мямлил: «И всё-таки нехорошо как-то...»

Почему все её так не любят? За то, что она никого не боится? И слово это противное – «безотцовщина» – который раз кидают ей вслед.

Впервые Дунька услышала его на игровой площадке, когда ей было всего три года. Стукнула игрушечным совком по голове соседского карапуза, который рукой-владыкой разрушил так старательно выстроенный ею из мокрого песка замок. На неё тогда разом обрушились все: дедки, бабки, мамки, папки. А мальчишка был младше её всего на каких-то полгода, просто ростом поменьше да плакса к тому же. Показав им язык, ушла в себя, как в панцирь, защищаясь от их нападков щитом шокирующей всех грубости и хамства. С тех пор и повелось...

Почему-то вспомнились бабы-Зоины слова: «За каждый грех человек должен чем-то расплатиться!» И куда ни бросала взгляд – на оттаявший асфальт, на грязно-жёлтые стены кирпичных домов, на тёмные и шершавые стволы деревьев – видела лицо учительницы: усталые глаза, воспалённые веки, дрожащие губы...

«Тьфу на неё!» – бодро и уверенно поучал первый голос.

«А вдруг баба Зоя права?» – пугливо возражал второй.

«Трусиха! Хохотом отпугни все страхи!»

– Ха-ха-ха! – попробовала было засмеяться Дунька, но на последнем слоге звук почему-то пропал, будто тихо растаял под слепящим весенним солнцем.

Она снова силилась беззаботно хохотнуть. Но получалось это вымученно и противно.

А дома её ждала беда: умер пудель Крезик. Дунька сначала ничего не поняла. Снимая куртку и сапоги, стала громко стыдить его:

– Крезик! Ты что это меня не встречаешь?

Но Крезик не появлялся. Такое случилось впервые. Обычно он, пока Дунька открывала ключом дверь, от радости уже нетерпеливо поскуливал. А после того как она скидывала рюкзак с плеч, ставил лапы ей на грудь и лизал подбородок. Где он? Проспал её, что ли? Небось дрых под диваном, а сейчас не спешит, делает зарядку, по очереди вытягивая то передние, то задние лапы.

Весело подпрыгивая, промчалась по прихожей и заглянула в кухню. Крезик лежал, растянувшись на полу в какой-то очень неестественной позе.

– Ты что лежишь, как мёртвый! Хватит притворяться! Вставай! Хочешь, я тебе конфетку дам?!

Конфетами они с мамой пуделя не баловали. На все Дунькины «почему?» мама шуткой, как, впрочем, и ей в детстве, отвечала: «От сладостей попа слипнется! – и уже серьёзно поясняла: – Конфеты для собачьих зубов вредны! Будут шататься и выпадать». Дуньке в это верилось с трудом. Но при маме Крезика сладостями не угощала. А вот без мамы пуделю иногда и перепадало.

Но и на конфетку Крезик не купился, даже ухом не повёл, лежал, странно запрокинув голову набок. Тогда Дунька подошла и легонько подёргала его за обрубок хвоста. Опять никакой реакции. Даже не пошевелился. Тогда она погладила его по морде. Но ни одна мышца пуделя не дрогнула от её ласковых прикосновений. Дунька подняла веко собаки, как это делали соседи, когда она тогда притворилась мёртвой, и в ужасе отпрянула. Крезик был действительно мёртв. Его застывший, безжизненный взгляд прямо-таки сковал Дунькино тело. Она долго не могла сдвинуться с места, будто шерстяные носки прилипли к полу. Хотелось закричать что есть мочи, но голос застрял внутри.

Пёс лежал на кухне возле миски, в которую Дунька утром бросила несколько крупных куриных костей. И тут до неё вдруг дошло: подавился! Возле собачьей морды на полу застыла лужица крови. Дыхание перехватило. Заплакать бы – от этого, наверное, стало бы легче. Но слёз не было. И только что-то свернулось горячим тугим комком в груди. Говорила ведь мама: «Не смей давать Крезика эти острые кости!» Но Крезик так просил, такими глазами умолял её! И Дунька, втихаря от мамы, подбросила эти злосчастные кости пуделю.

Склонившись над собакой, нежно погладила крутые завитки его шёрстки и застонала. На душе сделалось так горько, что закружилась голова, и она уткнулась лицом прямо в бездыханный шёлковый бок Крезика. И задрожало, забулькало в груди, как в закипевшем электрическом чайнике...

Очнувшись от маминого истошного крика:

– Дунечка! Доченька! Что с тобой?! – Мама отчаянно тормозила Дуньку.

Она открыла затуманенные глаза, подняла голову. Губы скривились, по щекам снова покатались солёные слёзы.

– Мама! Крезик умер! – пролепетала еле слышно.

Мама молча опустила на колени и прижала к себе Дунькину голову. Дунькина макушка сделалась тёплой и влажной от маминых слёз. Плакать вдвоём было куда приятней.

Потом они завернули Крезика в старое покрывало, вызвали такси и повезли его мягкое безжизненное тело на собачье кладбище. У водителя такси оказалась в багажнике лопата. Он любезно помог им вырыть могилу и даже притащил огромный булыжник, чтобы запомнить место.

В эту ночь Дунька спала не одна, а вместе с мамой. Мама долго гладила её по волосам. Прикосновения её рук были такими нежными, что Дунька тихонько постанывала. Она вдыхала в себя запах маминых духов и вся растворялась в знакомых с детства, но почему-то забытых ощущениях. Мама заснула.

Прислушиваясь к её ровному дыханию, Дунька вдруг содрогнулась от мысли, что мама может так же вот, как Крезик, взять и умереть. Ведь сказала же однажды: «Дунька! Ты когда-нибудь своими выходками доведёшь меня до инфаркта!» Что такое инфаркт, Дунька знала. Это когда сердце разрывается. У соседки, бабы Зои, был инфаркт, от которого она чуть не умерла. Баба Зоя говорила, что случиться такое может от страха, от сильного стресса или переживания. Мама, конечно, за неё, Дуньку, очень переживает. Положит руки на стол, уронит на них голову и плачет.

Раньше слёзы её Дуньке были до фени: побольше поплачет – поменьше пописает. А теперь вот, после смерти Крезика, крепко задумалась.

Случись что с мамой, куда податься? Баба Зоя, конечно, приютит. Но ведь она уже старенькая, даже очень. Тоже умереть может. Всё-таки маму беречь надо и стараться не расстраивать. Язык свой «поганый», как выразилась всё та же баба Зоя, «нужно держать на жёсткой сцепке». Права она: словами, конечно, можно сильно ранить.

Сколько раз её «безотцовщиной» обзывали, пора бы привыкнуть, не обращать внимания. Так нет же – до сих пор как ножом режет! И даже само слово ядовитой змеей представляется. Уже от одного его звучания – мурашки по коже.

А маме она, Дунька, порой сколько гадостей говорит! Как та терпит?! Просто мама у неё очень добрая, что иногда Дуньку даже злит. Вот в магазине, например, маму толкнут, а она ещё и извинится. Почему?! Что за дурная привычка перед всеми заискивать?! Попробуй толкни кто Дуньку!..

Однажды соседка снизу прибежала и давай на маму орать: мол, вы у нас потолок в ванной залили. Ну, было дело... Это Дунька решила вместе с Крезиком в ванне помыться. Тот воспротивился, стал выпрыгивать. Воды на пол много налилось, что уж там говорить. И Дунька вытирать эту воду не стала. Мать, увидев разъярённую соседку, не на шутку испугалась, тут же побежала к ним потолок белилами замазывать. Да ещё денег дала. Зачем?!

И сердиться мама долго не умеет. Стоит Дуньке после ссоры какой-нибудь подойти и положить ей голову на плечо, она тут же по волосам погладит и попросит: «Только больше никогда не делай так, ладно?»

Вообще-то Дунька маму очень даже любит, а грубит... потому что жалеет! Ну нельзя ж такой мямлей быть!

А мысли снова вернулись к Крезик. Теперь никто не будет лизать её голые коленки. Никто не поцелует в ухо, не принесёт к кровати тапки по маминой команде: «Иди, буди Дуняшу!», не позовёт на прогулку, притащив к ногам поводок. Но самое главное – его глаза! Баба Зоя однажды точно подметила: «Не у всякого человека такой добрый и умный взгляд! – и многозначительно добавила: – У Крезика многому поучиться можно!»

Вот уж правда! Скажешь: «Иди спать!» – пойдёт и ляжет на свой коврик у маминой кровати. Велишь: «Принеси миску!» – тут же тащит. Или: «Тихо!» – замрёт, и ни лая, ни звука больше. Как-то Дунька маму сильно расстроила. У той слёзы по щекам покатались. Крезик взвизгнул, прыгнул к маме на диван и давай её слёзы слизывать. Маму, конечно, он лучше слушался и больше любил. Дунька из ревности ему вредила. То уши на голове лентой завяжет, то чесночным духом в морду дыхнёт. А когда мамы не было дома, сама его в губы целовала, что та делать ей категорически запрещала: мол, это всё-таки собака, у неё могут быть глисты. Ну, по поводу глистов Дунька шибко сомневалась, а вот то, что собаки друг у друга под хвостами нюхают – это замечала. И когда Крезик возвращался с прогулки, старательно вытирала ему мокрой тряпкой не только лапы, но и нос.

Мысли стали путаться, рассеиваться в навалившейся дрёме, и Дунька наконец уснула. В эту ночь ей приснился Крезик. Он бегал по ясному лазурному небу с опущенной головой, будто искал кого-то, но почему-то был не чёрным, а ослепительно-белым, как и эти мягкие, словно ватные, облака, которые он так тщательно обнюхивал. Дунька стала звать его. Он услышал, потому что стал крутить головой, прислушиваясь к чему-то. А потом вдруг вылез из-под кровати, но уже не белым, а чёрным. Радостно подпрыгивал, норовя лизнуть в губы. Дунька метнулась в кухню, чтобы угостить его конфетой, но Крезик выпрыгнул в окно. Дунька за ним. Они с Крезиком долго летали по звёздному небу, не чувствуя тяжести своих тел, были лёгкими, как пушинки. И даже могли перепрыгивать с крыши одной пятиэтажки на другую. И это Дуньку почему-то нисколько не удивляло. Наоборот, от восторга захватывало дух.

Утром просыпаться Дуньке не хотелось. Ох уж эта мама! Вечно прервёт самый сладкий сон! Но мама так умоляюще смотрела на неё, так ласково гладила по плечу, что Дунька всё-таки потянулась и стала нехотя одеваться. В школу шла вялой макаронной походкой, цепляясь ногой за ногу.

В классе стоял привычный галдёж, который гулко бил по ушам. Слышать этого не могла. Закрыв уши руками, поплелась к своему столу. Скинув с плеч рюкзак, плюхнулась на стул и, опершись локтями о стол, спрятала лицо в ладони. Шум в классе стал стихать. Скорее чувствовала, чем видела вытаращенные на неё удивлённые глаза одноклассников. Такой серьёзной Дунька была впервые.

Наконец в класс вошла Елена Сергеевна. Изумлённо посмотрела на притихших ребят и остановила свой взгляд на Дуньке.

– Дуня, что-то случилось? – подойдя к её парте, тихо спросила учительница.

От её участливого голоса у Дуньки из глаз брызнули слёзы, а из горла вырвалось какое-то сдавленное мычание. Слышала, как задвигались ребята. Они окружили её тесным кольцом, тревожно дышали на неё со всех сторон. И Дунька выдохнула:

– У нас вчера Крезик умер! И это моя вина! Я ему кость дала, которой он подавился!

Воцарилась минута скорбного молчания. Кто-то сочувственно шмыгнул носом. Кто-то прошептал: «Как жалко! Бедный Крезик!» А Елена Сергеевна сказала:

– Когда я была маленькой, у нас в семье тоже была собака. Она попала под машину. Я несколько дней плакала. Собака – ведь она как член семьи. Смерть домашнего любимца – большая трагедия. Но это нужно как-то пережить. Постарайся не думать о случившемся. Переключи внимание, слушай урок. И боль потихоньку утихнет.

Прозвенел звонок. Все побрели к своим партам. Урок начался непривычно тихо. И хоть все ребята старательно выполняли задание, Дунька нет-нет, да и ловила на себе их участливые взгляды. Значит, не такая уж она, Дунька, плохая.

Три дня в классе царило траурное спокойствие. На четвёртый день, как сказала бы баба Зоя, «бес снова боднул Дуньку в ребро».

После уроков домой идти не хотелось. Крезика больше не было. Никто дома её не ждёт, не завилает приветливо хвостом, не будет стоять сусликом на задних лапах, выпрашивая печенье. И до того на душе горько стало, хоть волком вой! А тут ещё эта техничка!..

Намывая полы в пустынном коридоре, старуха ни с того ни с сего вдруг набросилась на Дуньку:

– Давай шагай мимо, да быстрее! Плетёшься еле-еле!

От такой неслыханной грубости Дунька поначалу даже опешила. Техничка была новенькой, возраста бабы Зои. Бывшая уборщица, молоденькая Танька, никогда с ней, Дунькой, не связывалась, тихонько «посылала» беззлобным матом на все четыре стороны. А эта!.. В каком-то смешном чепчике и затрапезных спортивках знай себе шаркает «лентяйкой» по крашеному полу.

Какое-то время Дунька тупо смотрела на выбившуюся из-под чепца и взмокшую от работы прядку волос женщины, а потом... её прорвало:

– Кто тебя учил так пол мыть?! Только грязь размазываешь!

– Иди отсюда! – сняв со швабры мягкую фланелевую тряпку, замахнулась та на Дуньку. – И не топчись на мокром полу!

– Да что ты говоришь?! – по-петушину захлопала себя по бокам Дунька.

И уже нарочно пошла нарезать круги по вымытому полу своими пыльными подошвами, поддразнивая техничку куриным квохтаньем.

– Кто только таких уродов на свет божий рождает?! – зашлась в гнев тётка.

– Родили – тебя не спросили! – зло выкрикнула задетая за живое Дунька. И изо всех сил пнула ногой ведро с водой. – Что вылупилась?! Вытирай давай! Работа дураков любит!

И пока та что-то истошно орала вслед, Дунька знай себе напевала:

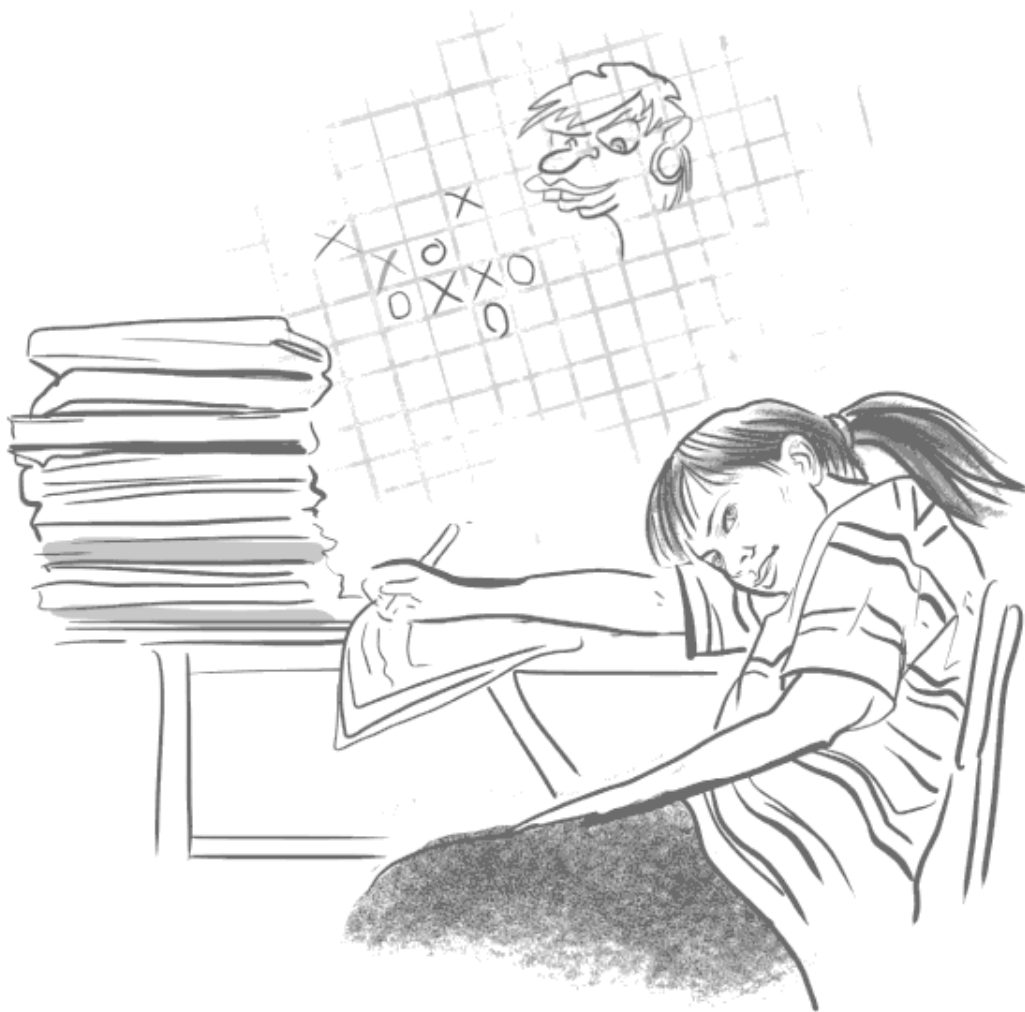
Шёл по школе ученик —
Всем известный озорник.
Он хотел созорничать,
Но не знал, с чего начать.

И снова на бедную голову Елены Сергеевны посыпались жалобы. Она, рыдая, обещала директору подать заявление об уходе, если Цыганову не уберут из её класса. Дуньке этого совсем не хотелось. Учительница была доброй и, самое главное, незлопамятной. Когда на Дуньку напала немота, у Елены Сергеевны лицо светилось от счастья и она превращалась в настоящую красавицу. Большие серые глаза её прямо-таки искрились, на щеках появлялись игривые ямочки, и даже спина выпрямлялась. На глазах у всего класса она начинала перед Дунькой заискивать: «Дуняша, ты уже справилась с заданием? Какая молодец! За работу на уроке я сегодня тебе ставлю „пять“!»

Такой поворот дел Дуньке был по нраву. За пятёрку маман дома обычно отстёгивала ей на мороженое. Обращение «Дуняша» тоже льстило. Мать в добрые минуты называла её так же.

Какое-то время дисциплину в классе Дунька не нарушала, на уроках занималась своими делами: рисовала платья бумажным куклам и придумывала карикатуры на одноклассников, благо цветные карандаши в специальных пластмассовых стаканчиках у всех стояли на партах. К изогнутой в вопросительный знак фигурке Светки Тимохиной пририсовывала её узкую лисью мордочку. Круглую, похожую на румяный блин физиономию Юрки Блохина изображала с зелёной соплей, висящей до нижней губы. Горластому Кольке Ручкину вместо рта рисовала бублик. Толстуха Вика Воробьёва была у неё розовой свинкой. Маленький и пакостный Вовка Ершов – юрким колючим ершонком. К голове сплетницы и ябеды Лизки Капраловой приделывала огромные уши и длинный извивающийся язык. Танька Фролова представлялась ей серой крысой с ощеренным ртом и жёсткими усами.

А вот как изобразить Гальку Сорокину – над этим долго голову ломала. Сорокина старалась подражать Елене Сергеевне. Все эмоции учительницы, словно в зеркале, тут же отражались на Галькиной физиономии. Наблюдать за этим было забавно. И Дунька могла долго постреливать глазами, переводя любопытный взгляд с лица учительницы на Гальку. А когда ей это надоедало, начинала сама передразнивать мимику Елены Сергеевны. Эх, жаль, что нет у неё планшета, а то бы можно было сделать, как там это называется... «сэлфи», что ли, а потом сравнить с оригиналом. Но о планшете оставалось только мечтать. Матери и на захудалый мобильник денег было не скопить. Но это Дуньку не колыхало. Кому ей звонить? К тому же за разговоры ведь тоже платить надо.

Прошёл день, другой, третий... Елена Сергеевна с работы не уходила, продолжала вести уроки. Дуньку точила зелёная скука. Снова на уроке принялась комментировать каждое слово учительницы, вызывая безудержный смех у ребят. Елена Сергеевна съёжилась, вжала голову в плечи и замолчала. И сразу стала похожа на нахохлившегося воробья. Комментировать было нечего. Тогда Дунька сделала из листка с карикатурами самолётик и пустила его летать по классу. Но полёт самолётика нужного эффекта не произвёл. Все записывали в дневники домашнее задание. Дунька вздохнула.

На её счастье, из парты нагло выполз какой-то жук. Дунька оживилась, достала из рюкзака лупу и стала внимательно его разглядывать. Поворачивала на спину, блокировала карандашами все пути возможного побега, поднимала на книге вверх и смотрела, что он будет делать на высоте. Жук каким-то образом умудрялся ползать вверх ногами. Вдоволь наигравшись с жуком, стряхнула его в пенал, достала из рюкзака художественную книжку и погрузилась в чтение, громко хохоча в самых интересных местах.

С первого класса Дунька сидела на последней парте, одна. И не только потому, что была выше всех в классе. А ещё потому, что она, Дунька, жаловались родители, «отвлекает их детей от занятий». К одиночеству своему Дунька быстро привыкла. И в этом находила своеобразный

кайф. С пацанами из класса, «тупицами и недотёпами», ей было совсем неинтересно. Любому из них она могла бы так поднадать, что мало бы не показалось.

Первый раз это случилось ещё в первом классе. Разодрались они тогда с Колькой Ручкиным. С чего началось, сейчас уж и не помнила. Короче, открыл тот свою глотку лужёную и давай её на весь класс высмеивать. Дунька с минуту молча, в упор смотрела на него: думала, что уgomонится. Но Ручкин только больше распалялся. Обзывки вылетали из его поганого рта, как плевки с губ разъярённого верблюда. Что было делать? Пантерой сорвалась с места и с ходу, изо всех сил, ударила его кулаком в нос. И долго бы ещё катались они клубком по грязному полу класса под визги трусливых девчонок, да кто-то догадался вызвать из коридора дежурного учителя. Та, увидев окровавленное Колькино лицо, взвыла сиреной и стала растаскивать их в разные стороны. А когда ей это наконец удалось, почему-то набросилась на Дуньку:

– Ты что творишь, Цыганова?! За что ты парня так избила?!

– А пусть не обзывается, – процедила сквозь зубы Дунька. – Если ещё хоть раз своё хайло откроет – не так получит! Это я обещаю!

У учительницы, похоже, язык отнялся. Взгляд изумлённых глаз застыл, и только быстро хлопали крашенные ресницы. Но передразнивать её, как это раньше бывало, Дунька не стала. Адреналин весь вышел. С чувством исполненного долга неспешной походкой направилась к своей парте, чтобы уложить в рюкзак тетрадки и книжки. При этом держала голову так прямо, будто несла на темени наполненную доверху драгоценную чашу. Душа ликовала. Теперь и другим пацанам nepовадно будет. А разбитая губа – это ерунда. На ней, как однажды выразилась мать, «всё заживает, как на собаке».

Одноклассники это усвоили и больше не задирались, предпочитая обходить её, «бузу», стороной. Что касается девчонок, откровенных ябед и подлиз, то с ними Дуньке вообще говорить было не о чем. А потому на переменах она торопилась в коридор, чтобы пообщаться со старшекласниками. И в этом ловила драйв.

Частенько, после уроков, забежав за угол школы, просила у курильщиков хапчик. Те гототали над её неслыханной дерзостью, но давали, приговаривая при этом: «Ну, Дунька-пердунька, молодец!» Она с заправским видом затягивалась и, как не раз видела по телевизору, картинно пускала дым через рот кольцами. Старшекласников забавляла её отчаянная наглость. И даже на её подколки они не обижались.

«Чего хребет согнул в вопросительный знак?» – могла она кого-нибудь панибратски хлопнуть по спине. «А у тебя чего такой нос красный, как у алкоголика?» – переводила быстрый взгляд на другого. «Глядите, как у этого хмыря джинсы-то сзади отвисли, будто он в них наложил!!» – уже стараясь перекричать звонок, тыкала пальцем в сторону третьего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.